

Японские исследования. 2020. №2. С. 112–132.

Japanese Studies in Russia, 2020, 2, pp. 112–132.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10015

«Японизация» китайского текста: «Мо:гю: вака» (1204) как адаптация «Мэн цю» (VIII в.)

Т.И. Виноградова, М.В. Торопыгина

Аннотация. В статье рассматриваются два памятника: китайский VIII в. «Мэн цю» и японский начала XIII века «Мо:гю: вака», основанный на тексте «Мэн цю». Оба памятника выполняют в первую очередь образовательную функцию: знакомят с сюжетами из китайского прошлого, – и имеют структуру, удобную для запоминания историй. Биография автора китайского текста Ли Ханя неизвестна. Китайский текст – это длинная рифмованная поэма, она состоит из 596 четырёхзнаковых строк, каждая из которых отсылает к комментарию, в котором рассказывается соответствующий исторический анекдот. Пары четырёхзнаковых строк соединяются по тематике. Структурной единицей текста поэмы служат четыре восьмизнаковых строки, объединённые одной рифмой. Героями произведения являются люди разного социального статуса, мужчины, женщины, дети, присутствуют также мифологические персонажи. Представлены события от древнейших времён и до танского времени. Первый комментарий предположительно был написан автором поэмы – Ли Ханем. Текст был популярен в эпоху Тан, однако позже был в Китае забыт. В Японии по «Мэн цю» до сих пор учат китайский язык и знакомятся с сюжетами из китайской истории.

Японский текст «Мо:гю: вака» создан в 1204 году, его автором является Минамото-но Мицуюки (1163–1244). В «Мо:гю: вака» входит 250 историй из «Мэн цю». Японский текст имеет структуру, сходную с японскими поэтическими антологиями. Истории памятника распределены по 14 тематическим разделам, каждый блок текста включает строчку из китайской поэмы (четыре иероглифа); историю, рассказанную по-японски; и японское стихотворение *вака*, сочинённое автором специально для данного текста. Первые разделы (разделы времён года) также снабжены поэтическими темами. Памятнику предпосланы два предисловия – одно на китайском, другое – на японском языке. Тексты предисловий незначительно отличаются друг от друга по содержанию, но значительно – по стилю изложения. Изменение структуры произведения и наличие стихотворений-*вака* является стратегией «японизации» китайского текста.

Ключевые слова: японская поэзия, поэтическая антология, китайский язык, японский язык, «Мэн цю», «Мо:гю: вака».

Авторы:

Виноградова Татьяна Игоревна, кандидат исторических наук, заведующая Отделом литературы стран Азии и Африки, Библиотека Российской академии наук (ОЛСАА БАН) (адрес: 199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия, д. 1). ORCID: 0000-0003-0664-4897; E-mail: ptat-vinogradova2008@yandex.ru

Торопыгина Мария Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12), профессор Института классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3). ORCID: 0000-0003-3214-5610; E-mail: mtoropygina@hse.ru

‘Japanization’ of the Chinese text: *Mōgyū Waka* (1204) as an adaptation of *Meng Qiu* (8th century)

T.I. Vinogradova, M.V. Toropygina

Abstract. The article discusses two texts: Chinese 8th century *Meng Qiu*, and early 13th century Japanese text called *Mōgyū Waka*, based on *Meng Qiu*. Both monuments perform primarily an educational function, they introduce events from the Chinese past, and have a structure convenient for remembering stories. The biography of Li Han, the author of the Chinese text, is unknown. The Chinese text is a long rhyming poem, consisting of 596 four-character lines, each of which refers to a commentary that tells a corresponding historical anecdote. Pairs of four-character lines are connected by subject. Four eight-character lines with one rhyme are structural units of the text of the poem. The heroes of the work are people of different social status, men, women, and children, as well as mythological characters. Events from ancient times to the Tang period are presented. The first commentary is supposed to be written by the author of the poem himself. The text was popular during the Tang era, but was later forgotten in China. *Meng Qiu* is a textbook that is still used in Japan to learn Chinese and get acquainted with the stories from Chinese past.

Japanese text *Mōgyū Waka* is created in 1204 by Minamoto no Mitsuyuki (1163-1244). *Mōgyū Waka* includes 250 stories from *Meng Qiu*. *Mōgyū Waka* has a structure similar to Japanese poetic anthologies. The stories are grouped by topic in 14 scrolls. Each block of the text includes a line from the Chinese poem (four characters), the story in vernacular and the Japanese *waka* poem. All poems are written by the author specifically to be included in this text. Four first scrolls (four seasons) are provided with poetic themes. Two prefaces are attached, one in classical Chinese and another in the vernacular. Texts of the prefaces differ slightly in content, but significantly in the style of presentation.

Change of the structure of the work and the presence of *waka* poems is a strategy for the ‘Japanization’ of the Chinese text.

Keywords: Japanese poetry, poetic anthology, Chinese language, Japanese language, *Meng Qiu*, *Mōgyū Waka*.

Authors:

Vinogradova Tatiana I., PhD of Sciences (History), head of the Department of Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences Library (address: 1, Birzhevaya liniya, Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0664-4897; E-mail: ptat-vinogradova2008@yandex.ru

Toropygina Maria V., PhD of Sciences (Philology), Senior researcher, Institute of Oriental Studies RAS (address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation), Professor, Institute for Oriental and Classical Studies of National Research University “Higher School of Economics” (address: 21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-3214-5610; E-mail: mtoropygina@hse.ru

Введение

Япония – страна китайского культурного ареала, которая, строя свою государственность, устанавливая законы, приняв буддизм, и даже сочиняя *моногатари*, основывалась на китайском опыте. А.Н. Мещеряков пишет: «Существование письменной китайской и устной японской словесной культуры ведёт не только к их взаимообогащению, синтезу в виде японоязычной письменной культуры. Со временем происходит и отбраковка тех заимствованных форм культуры и текстовой деятельности, которые входят в противоречие

или же не получают подкрепления в местной традиции. В свою очередь, далеко не все элементы местной культуры способны доказать свою плодотворность: часть из них вымывается под воздействием информационного потока, направленного с материка» [Мещеряков, 1991, с. 8–9].

Взаимодействие между китайским и японским языками (китаеязычными и японоязычными текстами) в Японии изучается в самых разных аспектах, среди которых: китайская письменность в Японии; появление и развитие японской письменности; прочтение письменного китайского текста по-китайски и по-японски; гендерные аспекты словесности; сочинение японцами текстов на китайском языке; перевод с китайского языка на японский, – и многие другие. В самом общем виде они определяются как «дихотомия *ва-кан*» и являются предметом рассмотрения многих статей и монографий¹.

«Мэн цю» (蒙求, яп. «Мо:гю:» – «Незрелые ищут»²) – один из учебников, по которым японские дети (мальчики из аристократических семей) начинали получать образование. Эти учебники охватывали элементарные знания, необходимые для перехода к следующему этапу образования, т.е. к чтению классических сочинений. Для рубежа XII–XIII веков, когда появился текст «Мо:гю: вака» (蒙求和歌 «Японские песни к «Мо:гю:»»), четыре учебных текста выделяются в понятие «четыре учебника» (*сибу-но докусё* 四部の読書, термин был введён японским исследователем О:та Сё:дзиро: [Guest, 2013, p. 35])³. К ним относятся «Цянь цзы вэнь», «Мэн цю», «Бай юн» и «Вакан ро:эйсю:». Текст «Цянь цзы вэнь» (千字文 «Тысяча знаков», яп. «Сэндзимон») создан приблизительно в 500 году, состоит из 1000 неповторяющихся знаков, по этому тексту детей учили в первую очередь иероглифике⁴. По «Мэн цю» знакомилась с различными эпизодами из биографий исторических личностей. «Бай юн» (百咏 яп. «Хякуэй» – «Сто композиций») – сборник сочинений танского поэта Ли Цзяо (李嶠 яп. Ри Кё:, 645–713), этот текст давал представление о сочинении китайских стихотворений *канси* (漢詩) на простые темы (темы из одного иероглифа) [Steininger, 2010, p.112–142]. «Вакан ро:эйсю:» (和漢朗詠集 – «Собрание японских и китайских песен для декламации», ок.1012) – антология, составленная японским поэтом Фудзивара-но Кинто: (966–1041), в которую входят строки стихотворений на китайском языке, написанные китайскими и японскими поэтами, и стихотворений *вака*⁵.

Переложение «Мэн цю» на японский язык появилось в самом начале XIII в. Выход самурайского сословия на политическую арену в XII в. сопровождался и вхождением в ряды «культурных» людей выходцев из самураев, которые хотели узнать разного рода аристократические премудрости. Сюда входило знание придворного этикета, китайская учёность, умение слагать китайские и японские стихи и т.д.

¹ Достаточно подробный перечень работ приводится в статье [Persiani, 2016], works cited p. 54–58.

² Русский перевод названия предложен Н.Н. Трубниковой и М.С. Колядой [Трубникова и Коляда, 2018, с. 37]. На английский язык название передается по-разному: «Child's Treasury», «Youth Inquires», «Searching from Ignorance» и др.

³ Об образовании в период Хэйан см. [Ury, 1999; Guest, 2013; Smits 2007].

⁴ Текст, безусловно, выполнял гораздо более сложную функцию, как пишет Л.М. Ермакова: «"Сэндзимон" – текст космологический, воссоздающий структуру мира, и в то же время своего рода энциклопедия с разьяснением основных понятий, соотносительной ценности явлений, со сводом моральных установлений» [Ермакова, 2020, с. 23].

⁵ Исследование памятника см. [Smits, 2000, No 2; Smits, 2000, No 3].

Текст «Мо:гю: вака», как и «Мэн цю», – тоже учебный. Его могли использовать те, кто недостаточно владел китайским языком. Однако текст не является переводом китайского источника, автор создаёт произведение, «японизируя» китайский текст. Основной задачей данного исследования является выявление тех стратегий создания текста, которые помогают сделать «китайское» «японским».

«Мэн цю»

Название «Мэн цю» восходит к 4-й гексаграмме 蒙卦 «Недоразвитость» китайского гадательного сочинения, датируемого VIII–VI вв. до н.э., «Ицзин» (易經 яп. «Экикё:» – «Книга перемен»). Фразу из «Ицзин»: 匪我求童蒙、童蒙求我 – Ю.К. Щуцкий переводит как: «Не я ищу юношей, юноши ищут меня» [Щуцкий, 1993, с. 51]. Два иероглифа из этого высказывания и составляют название сочинения.

Про автора «Мэн цю» – Ли Ханя (李瀚 / 李翰⁶, яп. Ри Кан) – ничего не известно, памятник датируется 746 г., однако дата остаётся под вопросом⁷.

«Мэн цю» представляет собой поэму из 596 строк в четыре иероглифа (всего 2384 иероглифа), соединённых попарно в строку в 8 иероглифов⁸. Рифма соединяет четыре восьмизнаковых строки.

Рифма в китайской поэзии существовала с древности, но долгое время не была регламентирована, поэты пользовались ею достаточно свободно. Однако целый комплекс причин, среди которых: фонетическая неоднородность китайского языка; изменение фонетики; практическая роль стихосложения (оно вошло в систему государственных экзаменов), – привели к созданию словарей рифм и на их основе таблиц рифм. Первым таким словарём был «Це юнь» (切韻 яп. «Сэцуин» – «Разрезание и рифма») Лу Фа-яня (陸法言 яп. Рику Хо:гэн, годы жизни неизвестны) [Завьялова, 2008], который «представлял собой первую в истории китайской филологии попытку создать нормативное чтение китайских иероглифов» [Крюков, Малявин, Софронов, 1984, с. 239]. Словарь был опубликован в 601 г., его объём составлял 11500 иероглифов. Иероглифы распределены по 193 «группам рифм» (в дальнейшем количество групп было увеличено до 206).

Группы рифм обозначаются первым иероглифом в данной группе. Так, первая группа рифм – группа 東 дун (в общей сложности в эту группу входит 155 иероглифов), с четырёх строк, зарифмованных иероглифами из этой группы, и начинается произведение Ли Ханя.

Таким образом, структурообразующим элементом поэмы «Мэн цю» является «куплет» из четырёх восьмизнаковых строк, рифмующихся одной рифмой.

Одновременно с изучением рифмы ученики должны были знакомиться с китайской историей, представленной небольшими историческими сюжетами, историческими анекдотами.

В каждой четырёхзнаковой строке два иероглифа обозначают имя или прозвище человека, два – отсылают к истории. Из четырёх иероглифов содержание истории уловить невозможно, однако, если читатель с сюжетом знаком, то он легко вспоминается. Таким

⁶ Встречаются и другие записи имени.

⁷ Подробнее о проблемах авторства и датировки см. [Galambos, 2015, 270–271].

⁸ Текст приведён в Интернете, см. [Мэн цю].

образом, для того, чтобы поэма начала «работать» как средство для изучения истории, требуется комментарий.

Первый комментарий к «Мэн цю», видимо, был написан самим автором поэтического текста Ли Ханем. Этот комментарий обычно в исследовательских работах называется «старым» комментарием⁹. Более известный на сегодняшний день комментарий был написан в эпоху Сун (960–1279) Сюй Цзы-гуаном (徐子光 яп. Дзё Сико:, годы жизни неизвестны). Комментарий объединяет пары историй, имея своеобразным заголовком две строчки из поэмы¹⁰.

Поскольку сочинение адресовано юной аудитории, комментарий – это краткое, адаптированное изложение истории, взятой из исторического или литературного произведения. У историй «Мэн цю» много источников (в некоторых случаях в тексте даётся отсылка к источнику), это могли быть династийные истории или сборники разнообразных рассказов *сяшо*. Четырёхзнаковая строка могла быть взята из первоисточника или сконструирована автором поэмы, которому было важно употребить определённую рифму.

Среди героев есть исторические и мифологические персонажи, однако, как отмечает Имре Галамбос (Imre Galambos), если «разделять их на категории реальных и вымышленных, видимо, это будет отражать современное понимание прошлого» [Galambos 2015, с. 271]. Героями историй являются мужчины и женщины, люди разного социального статуса. Время действия в сюжетах – от древнейших времён и до танского времени.

Две четырёхзнаковые строчки, объединённые в одну восьмизнаковую, отсылают к двум историям, между которыми есть нечто общее (это помогает запомнить содержание). При этом связи на уровне строчек, объединённых одной рифмой, не наблюдается.

Рассмотрим отрывок поэмы (строчки 373–376) с рифмой из группы *гэн 庚*¹¹.

玄石沈湎，劉伶解醒。
趙勝謝覽，楚莊絕纓。

Сюань Ши пьянствует.
Лю Лин трезвеет.
Чжаоский Шэн просит прощения у калеки.
Чуский Чжуан обрывает завязки.

Истории о Сюань Ши и Лю Лине объединяет тема питья вина.

Сюжет о Сюань Ши (Лю Сюань Ши 劉玄石) излагается в сборнике «Боучжи» (博物志 яп. «Хакубуцуси» – «Записки о всех вещах») Чжан Хуа (張華 яп. Тё: Ка, 232–300). Расширенный вариант истории содержится в книге «Соу шэнь цзи» (搜神記 яп. «Со:дзинки»),

⁹ Рукопись эпохи Муромати (1336–1573) со «старым» комментарием (求蒙注古廣增音附 3卷) опубликована в открытом доступе на сайте Парламентской библиотеки [Фуон дзо:ко: котю: мо:гю:].

¹⁰ См. японское издание 1682 г. 標題徐狀元補注蒙求 [Хё:дай дзё дзё:гэн хотю: мо:гю:., 1682].

¹¹ Целиком блок текста на рифму 庚 выглядит так: 叔寶玉潤，彥輔冰清。衛后髮鬢，飛燕體輕。玄石沈湎，劉伶解醒。趙勝謝覽，楚莊絕纓。 Первые две строчки: Шу-бао чистый, как яшма. / Янь-фу прозрачный, как лед. // Вэй-хоу распускает чёрные волосы. / Летящей ласточки невесомо тело.

в переводе на русский язык Л.Н. Меньшикова «Записки о поисках духов» [Гань Бао с. 449–450]) Гань Бао (干宝 яп. Кан Бо:, ?–336).

Сюань Ши выпивает «тысячедневное» вино, после чего засыпает на тысячу дней. Родственники думают, что он умер, хоронят его. Владелец винной лавки, продавший вино, приходит в дом Сюань Ши через тысячу дней, чтобы узнать, проснулся ли он. Родственники говорят, что он давно умер и похоронен. Могилу раскапывают, оказывается, что Сюань Ши только начал трезветь, так что он благополучно просыпается¹².

Герой второй истории, поэт Лю Лин (劉伶, яп. Рю: Рэй, 221–300), личность в истории очень заметная. Он – один из членов поэтического кружка «Семь мудрецов из бамбуковой рощи», представитель культурно-идеологического течения «ветер и поток» 風流 (кит. *фэн лю*, яп. *фурю*:). Лю Лин славился своей колоритной внешностью, совершал экстравагантные поступки, был пристрастен к вину. Жизнеописание Лю Лина представлено в официальном историографическом сочинении «Цзинь¹³ шу» (晉書 яп. «Синдзё» – «Книга Цзинь»). Это сочинение является источником многих историй «Мэн цю». Ещё один источник – сборник «Ши шо синь юй» (世說新語 яп. «Сэсэцу синго» – «Ходячие толки в новом пересказе» или «Новое изложение рассказов, в свете ходящих») Лю И-цина (劉義慶 яп. Рю: Гикэй, 403–444).

Лю Лин – любитель выпить. Он пьянеет, трезвет, опять пьянеет... Его жена пеняет ему, что он так много пьёт. Муж соглашается с ней, говорит, что даст клятву пить меньше, пусть жена приготовит мясо и овощи, и поставит вино, чтобы произнести клятву. Жена всё это готовит, Лю Лин ест, пьёт, снова пьянеет и говорит, что слушать жену ни в коем случае не стоит.

Истории, к которым даются отсылки в следующей восьмизнаковой строчке – это истории о чжаоском Шэне и чуском Чжуане, их объединяет идея уважения к чувствам другого, великодушия (хотя обе истории могут вызвать вопросы у современного человека).

Источником истории чуского (Чу – царство в южном Китае во время Чуньцю, 722–481 до н.э.) Чжуана (?–591 до н.э.). Источником истории является сборник «Шо юань» (說苑 яп. «Дзэйэн» – «Сад речений») Лю Сяна (劉向 яп. Рю: Кё: 77 до н.э. – 6 н.э.). Среди источников историй «Мэн цю» есть и другие сочинения Лю Сяна.

В истории чуского Чжуана рассказывается о том, как во время пира в темноте кто-то из присутствующих тянет за рукав императрицу. Она хочет, чтобы обидчик был наказан, его можно легко узнать, поскольку она оторвала завязки его головного убора. Однако государь, пока ещё не зажгли светильники, предлагает всем присутствующим оторвать завязки головных уборов. Обидчика не находят, он же, преисполненный благодарности, когда враги нападают на царство Чу, спасает страну.

Непосредственный источник, использованный автором, не всегда легко выявить, поскольку одни и те же истории появляются в разных сочинениях, однако в некоторых случаях источник указывается в тексте. Так, история о Чжао Шэне взята из «Ши цзи» (史記, яп. «Сики» – «Исторические записки») Сыма Цяня (司馬遷, яп. Сиба Сэн, 145/135 до н.э. – 87/86 до н.э.). В основе истории из «Мэн цю» 76-я глава памятника (начало главы) «Пиньюань-цзюнь, Юй Цин ле чжуань» – «Жизнеописание Пиньюань-цзюня и Юй Цина».

¹² Перевод этого эпизода из «Боучжи» см. [Алимов, 2014, с. 191].

¹³ Империя Цзинь существовала в 265–420 гг., однако «Книга Цзинь» была завершена лишь в 648 г.

Время действия в истории – III век до н.э. Упомянутые в начале истории Хуэй Вэнь-ван и Сяо Чэн-ван правили соответственно в 298–266 и 265–245 гг. до н.э.

«Пинъюань-цзюня называли чжаоским Шэном, он был одним из чжаоских княжичей. Среди них Шэн был самым мудрым, он любил принимать у себя *бинькэ*¹⁴, число которых в иные времена доходило до нескольких тысяч. Пинъюань-цзюнь¹⁵ служил *сяном*¹⁶ у чжаоских Хуэй Вэнь-вана и Сяо Чэн-вана. Три раза его смещали с поста *сяна* и три раза восстанавливали в этой должности, ему пожаловали владение в Дуньучэне.

Дом семьи Пинъюань-цзюня возвышался над жилищами соседей, среди которых был один хромой человек. Как-то он, ковыляя, отправился за водой, и его увидела красавица с верхнего этажа высокого дома Пинъюаней и громко посмеялась над ним. На следующий день этот человек пришёл к воротам Пинъюань-цзюня и обратился к нему с просьбой: «Я слышал, что вы, *цзюнь*, привечаете [учёных] мужей, которые прибывают к вам за тысячи *ли*¹⁷. Видно, вы умеете ценить [мудрых] мужей и презирать наложниц. Я, к несчастью, страдаю хромотой, и, когда я проходил мимо, [наложница из] вашего *хоугуна*¹⁸ посмеялась надо мной. Я хотел бы получить голову той, которая смеялась надо мной!» Пинъюань-цзюнь, улыбаясь ответил: «Ладно», – и хромой ушёл. Пинъюань-цзюнь, смеясь, сказал: «Посмотрите на этого глупца – из-за того, что над ним посмеялись, он требует убить мою красавицу! Ну не слишком ли это?» И так ничего и не сделал.

Прошло более года, и многие из живших на его подворье *бинькэ* разъехались. Пинъюань-цзюнь, удивленный этим, спросил: «Я, Шэн, в отношениях со своими мужами никогда не нарушал этикет, почему же столь многие из них уехали?» Один из его близких помощников, выступив вперед, сказал: «Дело в том, что вы, *цзюнь*, не казнили насмеявшуюся над хромым [наложницу]. Тем самым вы показали, что цените красоту выше учёных мужей. Поэтому они и уехали». Тогда Пинъюань-цзюнь казнил красавицу, которая смеялась над хромым, и с её головой лично отправился во двор хромого и попросил извинения у него. После этого [уехавшие] *бинькэ* мало-помалу вернулись в его подворье. В то время в Ци был Мэнчан-цзюнь, в Вэй – Синьлин-цзюнь, в Чу – Чуньшэнь-цзюнь. Они состязались друг с другом в привлечении к себе *бинькэ*» (Перевод Р.В. Вяткина) [Сыма Цянь 1996, с. 185–186].

«Старый» комментарий «Мэн цю» даёт такую интерпретацию истории:

«Исторические записки»: У Пинъюань-цзюня, чжаоского Шэна, был двухъярусный дом, с высоты которого можно было наблюдать за тем, что делается у соседей. Один из соседей был хромой. Как-то раз он, ковыляя, шёл за водой. Красавица, которая жила на верхнем этаже, смотрела на это и хохотала. Хромой подошёл к воротам и потребовал голову той, которая смеялась. Шэн, смеясь, ответил: «Согласен!» Но так и не убил. Гости стали постепенно разъезжаться, Шэн был этим крайне удивлён. Один из гостей сказал: «Так как вы не убили ту, которая смеялась над хромым, они посчитали, что вы любите красавиц, а учёными мужами пренебрегаете. Вот они и ушли». Тогда Шэн отрубил голову той, что

¹⁴ *Бинькэ* 賓客 – пришлые советники, гости. Подробно см. [Хаютина, 2013].

¹⁵ *Цзюнь* 君 – правитель, государь. Далее – как обращение.

¹⁶ *Сян* 相 – советник правителя.

¹⁷ *Ли* 裏 – мера длины, 0,5 км.

¹⁸ *Хоугун* 後宮 – дворец царских жён, «гарем».

смеялась, сам подошёл к воротам хромого и попросил прощения. Тогда гости вернулись [Сё: Кэн, 2012, с. 185].

Комментарий Сюй Цзы-гуана чуть более подробный:

«Исторические записки»: Один из чжаоских княжичей, чжаоский Шэн Пинъюань-цзюнь, любил [принимать у себя] гостей-*бинькэ*. Этих гостей бывало несколько тысяч. Служил советником-*сяном* у чжаоских Хуй Вэнь-вана и Сяо Чэн-вана, его трижды изгоняли и трижды восстанавливали в должности. У его семьи был высокий дом, с высоты которого можно было наблюдать за тем, что делается у соседей. Один из соседей был хромым. Как-то раз он, ковыляя, шёл за водой. Красавица, которая жила на верхнем этаже, смотрела на это и хохотала. На следующий день калека пришёл к воротам и стал требовать: учёные приходят издалека, государь должен оказывать им уважение. «У меня, ничтожного, к несчастью, увечье, я немощен и согбен, а женщина из твоих внутренних покоев посмеялась надо мной. Я хотел бы получить голову той, что посмеялась надо мной». [Шэн] смеясь, сказал: «Хорошо», – но убивать не стал. Прошло более года, и за это время более половины *бинькэ* постепенно разъехались. [Шэн] удивился, спросил об этом одного из гостей. Тот сказал: «Вы, государь, не убили ту, которая посмеялась над хромым. Это означает, что вы любите красавиц, а учёными мужами пренебрегаете. Вот они и ушли». Тогда Шэн отрубил голову той, что смеялась, сам подошёл к воротам хромого и попросил прощения. Тогда гости вернулись [Мэн цю цзи чжу].

В Китае текст «Мэн цю» был забыт. Будучи популярным учебником в период Тан (618–907), позже он не вошёл в число основных учебников¹⁹. Новое «открытие» состоялось только в XIX в., когда известный китайский библиофил, коллекционер, историк, каллиграф Ян Шоу-цзин (1839–1915) обнаружил, что в Японии по-прежнему пользуются текстом Ли Ханя. Три рукописи были открыты в Дуньхуане экспедицией 1908 г., возглавляемой Полем Пеллио (1878–1945), они хранятся в фонде его имени в Национальной библиотеке Франции [Чжэн А-цай, 2011].

В Японии первые сведения об использовании данного текста в качестве учебного относятся к 878 г. В «Нихон сандай дзицуроку» (三代実録 «Истинные записи трёх правлений в Японии»), в сообщении за 25-й день седьмого месяца говорится о том, что принц Садаясу впервые читал «Мэн цю» в павильоне Хигё:ся [Нихон сандай дзицуроку, 1901, с. 499]. Садаясу Синно: (貞保親王 870–924) – четвёртый сын императора Сэйва (清和天皇 850–881, на троне 858–876), ему в это время было восемь лет.

Текст «Мэн цю» активно использовался на протяжении многих веков, особенно активно в период Токугава (в основном с комментарием Сюй Цзы-гуана). В Японии у «Мэн цю» было много образовательных функций. Читая поэму, учащиеся запоминали китайские (онные) чтения иероглифов. По материалу комментария к поэме, впервые, ещё до знакомства

---

¹⁹ В число трёх основополагающих учебников, состав которых был определён в период Сун (они обозначаются термином «*сань бай цян*» 三百千), вошёл текст «Цянь цзы вэнь», «Бай цзя син» (百家姓, яп. «Хяккасей» – «Сто фамилий», эпоха Сун), и «Сань цзы цзин» (三字經, яп. «Сандзикё:» – «Троесловие», приписывается неоконфуцианцу Ван Ин-линю 王應麟, 1223–1296).

с классическими произведениями, узнавали случаи из китайской истории. Видимо, и аспект изучения китайской рифмы входил в число образовательных функций. Строки из «Мэн цю» часто использовались (и используются) при обучении каллиграфии. Кроме этого, был и специфически «японский» аспект – японские студенты учились разметке китайского текста специальными знаками (*кунтэн*), которые давали возможность прочесть китайский текст по-японски.

«Мо:гю: вака»

Автор «Мо:гю: вака» – Минамото-но Мицуюки (源光行 1163–1244)²⁰. В юности Мицуюки получил хорошую подготовку как в китайских науках, так и в японской поэзии. Его учителем в китайской учёности был Фудзивара-но Таканори (藤原孝範 1158–1233), человек в своей области очень влиятельный. Японскую поэзию Мицуюки изучал под руководством Фудзивара-но Сюдзэй (Тосинари 藤原俊成, 1114–1204), создателя школы Микохидари, самого прославленного поэта своего времени. Мицуюки, таким образом, имел связи с самыми влиятельными столичными учёными и поэтами. Жизнь же его протекала между столицей и сёгунской ставкой.

«Мо:гю: вака» – произведение, созданное как образовательный текст для сёгуна Минамото-но Санэтомо (1192–1219, на посту сёгуна 1203–1219). В 1204 г. Мицуюки преподнёс сёгуну три составленных им текста, которые должны были дать юноше большой пласт знаний. Этими текстами были «Мо:гю: вака»; «Хякуэй вака» (百詠和歌 «Японские песни по “Ста композициям”») и «Син гафу вака» (新樂府和歌 «Японские песни по «новым юэфу»²¹). Текст «Син гафу вака» не сохранился.

Памятник «Мо:гю: вака» известен в ряде списков. Авторитетный исследователь памятника Икэда Тосио разделил все имеющиеся списки на три группы. Третья группа – поздние рукописи, созданные на основе текста Мицуюки. Первая и вторая группы, как считается, – текст Мицуюки. К первой группе отнесены рукописи, в записи текста которых использована хирагана (*хирагана-мадзир*), ко второй группе отнесены списки, где текст записан с использованием катаканы (*катакана-мадзир*) [Икэда Тосио, 1969]. Дискуссия относительно того, какой текст был создан раньше, продолжалась до самого последнего времени, большинство исследователей сходятся на том, что в 1204 году Мицуюки создал версию *катакана-мадзир*²².

«Мо:гю: вака» предисланы два предисловия (предисловия есть в *катакана-мадзир* версии, но отсутствуют в *хирагана-мадзир* версии) – одно на китайском языке (*манадзё*), другое – на японском языке (*канадзё*). Два предисловия к тексту – явление не новое, два предисловия, китайское и японское, имела первая императорская антология – «Кокин вакасю:» (古今和歌集 «Собрание старых и новых японских песен») [Дьяконова, 2016].

²⁰ Подробно биографию см. [Guest, 2013, 171–176].

²¹ «Новые юэфу» – цикл из 50 стихотворений танского поэта Бо Цзюй-и (白居易, 772–846), по преимуществу социальной направленности.

²² Обе версии (*катакана-мадзир* и *хирагана-мадзир*), включены в издание памятника [Сё: Кэн, 2012], оно использовано дальше для перевода и комментирования отрывков из «Мо:гю: вака». Ряд рукописей памятника можно увидеть в Интернете, в т.ч. рукопись [Мо:гю: вака] и её расшифровку [Кокурицу коккай тосёкан...].

Китайское и японское предисловия не просто не идентичны, но существенно отличаются по стилю. Оба предисловия выполняют основные функции, которые имеются у текстов подобного рода: определяют задачи сочинения, принципы организации материала, метод работы автора. При этом, китайское предисловие – более академичное и сухое, построено по классическим канонам китайских предисловий, японское же основано на метафорах, аллюзиях и языковой игре. Отличаются предисловия и по содержанию, в японском есть сведения, отсутствующие в китайском.

Китайское предисловие²³.

Составитель “Мэн цю” звался Ли Ханем. В назидание людям, здесь рассказано о случаях из жизни сотен людей. Японские песни завещал нам Какиномото²⁴. Он соединил в песне 31 знак, чтобы передать потомкам. Я – один из тех, кто по природе своей невежда, но хотя мои таланты и в японском, и в китайском скудны, с детства я учился и совершенствовался, а в зрелости стремлюсь к познанию. Вот так я перебирал старые строки китайских текстов, пытаюсь соотнести их с нравами нашей страны. Слова и дела мужчин и женщин, о которых написано в этом тексте, я изучал и по другим книгам. Поверяя эти тексты цветами и луной, я сочинил 250 японских песен, разделив их по тематике на весенние и осенние. Получилось 14 свитков. Это сделано в основном для того, чтобы учить детей, не задумываясь о том, что у старших всё это может вызвать лишь усмешку. В год Деревянной крысы эры Гэнкю [1204], ранней осенью, в день Водяной обезьяны²⁵ Минамото-но Мицуюки младшего пятого ранга с воодушевлением на досуге написал это.

Японское предисловие.

«Мо:гю:» возникает из понимания целей Ли Ханя, который собрал предания древности и передал их людям. Японские песни расцвели из слов Какиномото, они приносят в мир новые выражения. Я думаю о пути Ямато и Морокоси²⁶, но слова сбиваются на красоту цветов и луны.

В детстве, говорят, я имел привычку читать это сочинение, но, погоня веточкой-кнутом свою бамбуковую лошадку²⁷, я позабыл оглядываться назад. В возрасте расцвета, решив уразуметь его смысл, снова беспокоился: ивовые ветви спутаны²⁸, и я не могу дойти до самой сути.

Недавно я покинул дом к северу от северных ворот императорского дворца²⁹, ступал по инею, звёзд над головой было не счесть³⁰. Теперь же к востоку от восточного поселения³¹,

---

²³ Подробный комментарий к предисловиям «Мо:гю: вака» см. [Сё: Кэн, 2012, с. 14–17; Guest, 2013, p. 177–181].

²⁴ Какиномото – Какиномото-но Хитомаро (660?–724?) – японский поэт, обожествлённый как покровитель поэзии.

²⁵ 12-й день седьмого месяца.

²⁶ Ямато и Морокоси – Япония и Китай.

²⁷ «Бамбуковая лошадка» – метафора детства, «погоня бамбуковую лошадку» – взрослея. Отсылка к истории «Мэн цю» и «Мо:гю: вака».

²⁸ Отсылка к выражению, употреблённому в «Мэн цю».

²⁹ Покинул Киото.

³⁰ Отсылка к выражению, употреблённому в «Мэн цю» и «Мо:гю: вака».

³¹ Имеется в виду Камакура.

открываю ставни, использую для освещения снег, уповаю на лампу из светлячков³². В это время, выбрав мужчин и женщин из одной книги, я узнал примеры их мудрости и глупости из множества разных сочинений³³.

Сочинив 250 песен, я получил 14 свитков. Даже если писания отца темны, понимание ребенка может быть ясным. В год – давнее начало, время – первый месяц осени³⁴, в день Мидзуноэ³⁵, в тихих волнах, я смачиваю фиолетовую кисть³⁶ и пишу на белой конопляной бумаге³⁷.

Предисловия дают представление о том, с каким материалом и как работает автор: это китайский текст Ли Ханя, из которого взяты герои, но, чтобы составить сюжеты о них, автор использует и множество других книг, т.е. пользуется способом написания комментария. Материал распределяется по 14 категориям. К каждой истории пишется японская песня.

Текст памятника распределён по 14 разделам, в которые входит по 10 (5 разделов), 15 (2 раздела), 20 (6 разделов) и 50 (1 раздел) блоков (всего 250 историй, т.е. использовано немного меньше половины материала «Мэн цю»). Эти разделы:

1. Весна (20) 春部;
2. Лето (15) 夏部;
3. Осень (20) 秋部;
4. Зима (15) 冬部;
5. Любовь (20) 恋部;
6. Поздравления (10) 祝部;
7. Путешествия (10) 羈旅部;
8. Уединённая жизнь (10) 閑居部;
9. Тоска по прошлому (10) 懷旧部;
10. Воспоминания (сетования) (20) 述懷部;
11. Скорбь (20) 哀傷部;
12. Музыка (10) 管絃部;
13. Вино (20) 酒部;
14. Разное (50) 雜部.

Каждый блок текста состоит из названия истории, которым служит четырёхзнаковая строчка из «Мэн цю», краткого изложения сюжета и стихотворения-вака.

В первые четыре раздела (времена года) входит также тема стихотворения, которая обозначается сразу за названием.

---

³² Отсылка к историям из «Мэн цю» и «Мо:гю: вака», заниматься при свете снега и светлячков, значит, усердно заниматься.

³³ Т.е. автор выбрал героев из «Мэн цю», однако для написания своих историй использовал и другие книги.

³⁴ В тексте: キアノエノキ. Первый месяц осени – седьмой месяц.

³⁵ Мидзуноэ – японское чтение знака 壬.

³⁶ Отсылка к стихотворению Бо Цзюй-и «Кисть из заячьей шерсти» (笔毫紫) из «Новых юэфу». Означает пишущую кисть высокого качества, которая изготавливалась из шерсти зайца.

³⁷ Отсылка к стихотворению Бо Цзюй-и «Дулинский старик» (雙陵杜) из «Новых юэфу». Выражение означает бумагу высокого качества. В переводе Л.З. Эйдлина: «на листе казённой белой бумаги» [Бо Цзюй-и, 1978, с. 46].

Весна: начало весны (立春); день крысы (子日); дымка (霞); камышёвка (鶯); слива (梅); ива (柳); сакура (花); побеги папоротника (早蕨); весенний дождь (春雨); весенние лошадки (новогоднее украшение) (春駒); возвращающиеся гуси (帰雁); ёбукодори (возможно – кукушка) (呼子鳥); посадка риса (苗代); персик (桃); фазан (雉); фиалка (堇菜); рододендрон (躑躅); глициния (藤花); ямабуки (керрия) (欵冬); конец весны (暮春).

Лето: смена одежд (更衣); унохана (дейция) (卯花); мальва (葵); кукушка (郭公); ирис красный (菖蒲); пересадка риса (早苗); ночные огни (для приманивания оленей во время летней охоты) (照射); ранний летний дождь (五月雨); цитрус (盧橘); светлячки (螢); огонь, отгоняющий комаров (蚊遣火); лотос (蓮); ледник (氷室); родник (泉); летний обряд очищения (荒和祓).

Осень: начало осени (立秋); праздник звёзд *танабата* (七夕); мискант-оги (萩); патриния (女郎花); мискант-сусуки (薄); злаки (苽宣); *фудзибакама* (посконник) (蘭); *хаги* (леспедеца двуцветная) (萩); гуси (雁); олень (鹿); роса (露); туман (霧); гибискус (槿花); встреча лошадей (駒迎); луна (月); отбивание одежды (ткани) вальком (搗衣); насекомые (虫); хризантема (菊); багряные листья *момидзи* (紅葉); последний день осени (九月盡).

Зима: начало зимы (初冬); морозящий дождь (時雨); иней (霜); снежная крупа (霰); снег (雪); засохший тростник (寒蘆); ржанка (千鳥); лёд (凍); водоплавающие птицы (水鳥); плетёные ловушки для рыбы (網代); ритуальные танцы *кагура* (神楽); соколиная охота (鷹狩); угольная печь (炭竈); тлеющий под золой огонь (埋火); канун Нового года (除夜).

Набор тем стихотворений, которые берёт автор, не новы. Темы взяты из сборника «Хорикава хякусю:» (堀河百集 «Сто песен Хорикава»), составленного в самом начале XII в. Авторы этого сборника сочиняли по сто песен на сто фиксированных тем. Сборник «Хорикава хякусю:» был неоценимым источником тем для поэтов последующих поколений.

Темы лета, зимы и осени взяты точно по списку тем «Хорикава хякусю:», в разделе «Весна» три темы отличаются и по-другому сформулирована последняя тема (конец весны (暮春) в «Хорикава хякусю:» и последний день весны (三月盡) в «Мо:гю: вака»). Три «не попавших» темы – это первая зелень (若菜), оставшийся снег (残雪) и ирис, а три «новых» темы – это персик (桃), фазан (雉) и рододендрон (躑躅).

Относительно остальных разделов памятника мнение исследователей в основном сводится к тому, что они коррелируют с антологией «Вакан ро:эйсю:». Однако, если первые разделы достаточно точно следуют за «Хорикава хякусю:», связь с «Вакан ро:эйсю:» не так однозначна. Кроме того, и структура «Вакан ро:эйсю» представляет собой, как замечает Дэвид Поллак, «неуклюжий» (awkward) компромисс между японскими императорскими антологиями и китайскими энциклопедиями [Pollack, 1983, p. 362].

По мнению Чжан Цзяня, «в четырнадцатичастной структуре “Мо:гю: вака” части четырёх времён года – в японском стиле, остальные части – в китайском стиле» [Сё: Кэн, 2007, № 51, с. 66]. К этому можно добавить, что некое промежуточное положение занимает

рубрика «Любовь», более свойственная японской поэзии, чем китайским энциклопедиям, но не снабжённая в «Мо.гю: вака» какими-то особенными темами³⁸.

Отнесение части историй к какой-то определённой рубрике в некоторых случаях не вызывает вопросов. Примером может служить раздел «Вино». Эта рубрика не характерна для японских антологий и связанные с пьянством истории, естественно, оказываются в этой части. Сюда попали и два рассмотренных нами сюжета – о Сюань Ши и о Лю Лине.

Раздел «Вино» (13-11)

Сюань Ши пьянствует.

Сюань Ши отправился в винную лавку в горах, чтобы купить вина, и владелец лавки предложил ему «тысячедневное вино». Выпив его, пьянеешь и засыпаешь. Домочадцы об этом не знали, они подумали: «Умер!» – плача и плача, положили его в гроб и зарыли в могиле.

Хозяин лавки, рассчитав, что, вроде, тысяча дней уже прошла, пришёл требовать денег в уплату, но ему сказали, что Сюань Ши давно умер. Хозяин лавки раскопал могилу, посмотрел, Сюань Ши как раз протрезвел и проснулся, и встал из гроба. Хозяин лавки помог ему, и они вместе вернулись в дом. Домочадцы удивились и испугались, но поняли, что он был пьян, а теперь проснулся. Люди тогда говорили: «Сюань Ши такого вина выпил, что чуть выпьешь, а пьян тысячу дней».

苔の下沈む浮き名はふりにけりさてしも生ける命なれども

кокэ-но сита / сидзуму укина ва / фуруникэри / сатэсимо икэру / иноти нарэ домо

Подо мхом

Погребён,

Так что и слухи улеглись.

Но вот же – жив,

Вот какова судьба.

В версии этой истории в *хирагана-мадзир* текстах стихотворение отличается:

うづもれしこけのしたよりさめぬればしでの山ちはゑひのふるさと

удзуморэси / кокэ-но сита-ёри / самэнурэба / сидэ-но ямадзи ва / эи-но фурусато

Похоронен, но

Если проснуться и взглянуть,

Здесь, подо мхом,

В этом горном краю мёртвых,

И есть моя хмельная родина.

Стихотворение отсылает к сочинению танского поэта Вань Цзи (王績 яп. О: Сэки, 585–644) «Цзуй сян цзи» (醉郷記 яп. «Суйкё:ки» – «Записи о пьяной земле»).

³⁸ В «Хорикава хякусю:» стихотворения раздела «Любовь» имели темы-подзаголовки.

Раздел «Вино» (13-12)

Лю Лин трезвеет

Лю Лин, имя его Бо Лунь. Ростом был шесть *сяку*³⁹, а внешности безобразной. Обычно он, сев в небольшую повозку, отправлялся к друзьям, имея с собой кувшин вина и заступ. «Если я напьюсь и умру, то где-нибудь меня похороните», – говорил он.

Когда-то, когда у Лю Лина пересохло в горле, он попросил вина, но его жена, горько заплакала, запричитала: «Ты пьёшь гораздо больше вина, чем можно. По этой дорожке идти – себя губить. Не придерживаешься пути достойной жизни. Прекрати это!» Лю Лин ответил: «Ты правильно говоришь. Следует дать клятву богам. Приготовь вино и мясо». Жена, как он велел, сделала разные приготовления. Лю Лин опустил на колени и произнес: «Небо породило Лю Линя. Меня знают благодаря вину. За раз я выпиваю один *коку*⁴⁰, а от пяти *то*⁴¹ остаюсь трезвым. Слова жены нечего слушать!» Лю Лин вино и мясо употребил и сделался мертвецки пьян.

春風とともに酔ひをばすすむとも情けなかれとわれないさめそ

харукадзэ то / томо-ни эи-оба / сусуму томо / насакэнакарэ то / варэ на исамэ со

Вместе с весенним ветром

Я продолжаю

Пьянствовать.

Оставить эту радость

Меня не проси.

В версии *хирагана-мадзир* стихотворение такое:

をぐるまのゑひにのりけるみちならでまた心やるかたもなき身に

огурума-но / эи-ни норикэру / мити нарадэ / мата кокоро яру / ката мо наки ми ни

Нет другого пути,

Как только сесть пьяным

В маленькую повозку,

По-другому никак

Сердце не успокоишь.

История о чуском Чжуане помещена автором в раздел «Любовь».

Раздел «Любовь» (5-4)

Чуский Чжуан обрывает завязки.

Как-то чуский Чжуан-ван ночью собрал людей, предложил им вино, и все веселились. И вот светильники задул ветер. Воспользовавшись моментом, кто-то потянул за рукав

³⁹ *Сяку* – мера длины, 30 см.

⁴⁰ *Коку* – мера ёмкости, 180 л.

⁴¹ *То* – мера ёмкости, 18 л.

государыню⁴², которая была рядом. Государыня оторвала завязки от головного убора этого человека и сказала: «Кто-то потянул меня за рукав. Зажгите огонь и накажите того, у кого нет завязок». Ван всегда сочувствовал людям, и был глубоко милосерден. Чтобы скрыть этот проступок, он предложил: «Вино требует от людей, чтобы они отставили церемонии. Этой ночью, пока не зажжены огни, все должны оборвать завязки своих головных уборов!» Стоило ему это сказать, как все оторвали завязки от своих шапок, и тот человек, что потянул государыню за рукав, стал незаметен. И он сохранил благодарность в своём сердце.

Позже войска Цзинь окружили Чу, и сила у них была несметная. В армии Чу был один человек, который, подняв копье, сражался лучше всех. И вот войска Цзинь были разбиты. Ван был удивлен, на его вопрос этот военачальник ответил, что он – тот человек, у которого государыня оторвала завязки. Он не щадил себя, помня о милости вана.

誰としもわかぬ名残の灯火を心に消えぬ情けなりける

*дарэ то симо / вакану нагори-но / томосиби-о / кокоро-ни киэну / насакэ нарикэру*⁴³

Кто это был –
Не узнали.
Пламень воспоминания в сердце
Не гаснет
От проявленной милости.

Анализируя этот текст и стихотворение, исследователь памятника Чжан Цзянь замечает, что при интерпретации стихотворение выражает благодарность незадачливого придворного к вану, остаётся неясной идея отнесения этого случая к разделу «Любовь». Однако стихотворения *вака* дают возможность разной интерпретации. Чжан Цзянь предлагает предположить, что стихотворение относится к чувствам женщины. Кто-то потянул её за рукав, но кто это, она никогда не узнает, но и не забудет этого, потому что правитель был добр к этому человеку. При такой интерпретации темой стихотворения может быть «любовь» в понимании поэзии *вака* [Сё: Кэн, 2007, № 52, с. 52–53].

История о чжаоском Шэне и калеке попала в раздел «Зима», тема «Замёрзший тростник».

Раздел Зима (4-7)

Чжаоский Шэн просит прощения у калеки. Замёрзший тростник.

Пиньюань-цзюнь, имя ему чжаоский Шэн. Если подняться на его высокую башню, видны люди в других домах. Хромой калека, волоча ногу, черпал воду, красавица на башне громко засмеялась. На следующий день калека, хромая, набрал воды, пришел к воротам и потребовал голову красавицы. Хозяин засмеялся и сказал: «Получишь!». Тот потом ещё приходил и упрекал, но зря.

⁴² В тексте слово *кисаки*.

⁴³ В версии *хирагана-мадзир*: дарэ то симо / вакадэ ями-ни си / томосиби-о / кокоро-ни киэну / насакэ нарикэру.

Время шло, гости все уехали. Когда хозяин спросил о причине, ему сказали: «Ты предпочитаешь любовь, а учёных мужей ни во что не ставишь». Хоть женщина была доброго нрава, и он думал: «Жаль её, печально это», – но не в силах вынести недовольство мужей, отсёк красавице голову, пришёл к воротам калеки и попросил у него прощения.

После этого мужи вернулись.

難波江のあしの下折れとにかくによしなきあまの口すさびかな

наниваэ-но / аси-но ситаорэ / тоникаку-ни / ёсинаки ама-но / кутисусаби кана

В заливе Нанива

Сломался и полёг засохший тростник.

О том, о сём

Бесцельно

Судачат нырятьщицы.

Стихотворение не только не имеет прямой связи с историей, но и локализуется в Японии, в Нанива. Связующим звеном с историей здесь служит омонимия слов: *аси* – «нога» и «тростник» (калека обозначается иероглифом 蹠, который читается *асинаэ*). Слово «ломать» в стихотворении также даёт ассоциацию с калеккой. Таким образом, первая часть стихотворения может быть понята так: ноги сломаны, словно сломался и полёг засохший тростник в заливе Нанива.

Выше были приведены два варианта китайского комментария к данному отрывку. Мицуюки работал со «старым» комментарием – комментарием Ли Ханя. В этом комментарии не высказывается никаких эмоций героя в отношении красавицы. В японском тексте появляется как эмоция чжаоского Шэна в отношении женщины («жаль её, печально это»), так и, пусть совсем короткая, характеристика красавицы («женщина была доброго нрава»). Внесение таких пояснений относительно чувств и эмоций может быть одним из способов «японизации» лишённых эмоциональности древних китайских текстов⁴⁴.

Кояма Дзюнко высказывает мнение, что, создавая целых три произведения с японскими песнями на темы китайской поэзии и истории, как раз в то время, когда шла работа над новой императорской антологией «Синкокин вакасю:» (新古今和歌集 «Новое собрание старых и новых песен»), автор предполагал, что из этих его стихотворений какие-то могли быть отобраны для императорской антологии [Кояма Дзюнко, 2016, с. 18]. Однако этого не произошло, в «Синкокинсю:» входит всего одно стихотворение Мицуюки⁴⁵. Возможно, это явилось стимулом для автора переработать ряд стихотворений в более поздней версии памятника.

⁴⁴ Подробнее о построении прозаической части «Мо:гю: вака» и приёмов передачи источника см. [Тасака Дзюнко, 2014].

⁴⁵ Это стихотворение № 1541 (в переводе памятника на русский язык № 1539).

むせにでひもおの身きうをになば見を月の秋みの人るあ心

кочоро ару / хито номи аки-но / цуки-о мирэба / нани-о укими-но / омоидэ-ни сэму

В переводе И.А. Борониной: Если считать, / Что только чуткие к прекрасному сердца / Печалются, луной любясь, / Как же тогда меня она наводит / На грустные воспоминанья? [Синкокинсю, 2001, с. 197].

Выводы

«Мо:гю: вака» не является просто переводом, передачей китайского текста на японском языке. Автор существенно меняет структуру, делая её похожей на японскую поэтическую антологию, добавляет *вака* – японские стихотворения. Оценивая структуру и текстологические особенности китайского и японского памятников, можно сказать, что именно стихотворения *вака* служат основным элементом «японизации» китайского текста. Изложенные на японском языке, сюжеты из китайского прошлого могли легко восприниматься даже теми читателями, кто не владел китайским языком. Будучи «японизацией» китайского текста, «Мо:гю: вака» сохраняет и большую долю «китайского». Текст «Мо:гю: вака» даёт представление о разных стилях письменного языка: строчка стихотворения «Мэн цю» – *камбун*, китайский язык; текст истории сохраняет близость с *кунтэн*, это японский язык, но он близок к принципам чтения по-японски китайского текста; стихотворение – это *вабун* (литературный японский язык). Будучи «японизированным», текст утратил часть своих важных образовательных функций (обучение иероглифике, чтению по-китайски, китайским рифмам), однако приобрёл функцию ознакомления со структурой японских поэтических антологий и японского стихосложения.

Китайский текст «Мэн цю» довольно рано утратил свою образовательную функцию в Китае и был совершенно забыт, в Японии он до сих пор играет значительную роль в обучении японцев китайскому языку.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алимов И.А. Сад удивительного: Краткая история китайской прозы сяошо I–VI вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. 589 с.

Бо Цзюй-и. Стихотворения / пер. с кит. Л.З. Эйдлина. М., Художественная литература, 1978. 302 с.

Гань Бао. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи) / пер. Л.Н. Меньшикова. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994. 570 с.

Дьяконова Е.М. Японское Предисловие Ки-но Цураюки и Предисловие Ки-но Ёсимоти на *камбуне* к «Собранию старых и новых песен Японии»: генезис и интерпретации // История и культура традиционной Японии 9. Москва: РГГУ; Санкт-Петербург: Издательский Дом «Гиперион», 2016. С. 69–82. (*Orientaliaet Classica*: Труды Института восточных культур и античности; вып. LXV).

Ермакова Л.М. О перечнях и списках в японской литературе // История и культура Японии. Вып. 12. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. С. 21–31. (*Orientaliaet Classica* I (LXXII)).

Завьялова О.И. «Це юнь» // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 3. Литература. Язык и письменность. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2008. С. 728–729.

Икэда Тосио. Мо:гю: вака но сэйрицу то дэнрю: – соно сёдэнхон-о мэгуттэ : [Появление и традиция «Мо:гю: вака»: о различных списках памятника] // Бунгэй кэнкю:. Т. 27 (1969). С. 38–75.

Кокурицу коккай тосёкан хон «Мо:гю: вака»: Минамото Мицуюки : [«Мо:гю: вака», список Национальной парламентской библиотеки]. URL: <https://www.yatanavi.org/text/mogyuwaka/index.html> (дата обращения: 05.04.2020).

Кояма Дзюнко. «Мо:гю: вака», «Хякуэй вака»-но хё:гэн – кадзин-то ситэ-но Минамото-но Мицуюки : [Выразительность в «Мо:гю: вака» и «Хякуэй вака»: Минамото-но Мицуюки как поэт] // Кё:то дайгаку кокубунгаку ронсо: . № 35 (2016). С. 1–21.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII). М.: Наука, 1984. 334 с.

Мещеряков А.Н. Древняя Япония: культура и текст. М.: Наука, 1991. 223 с.

Мо:гю: вака. 2 т. Рукопись. URL: <https://www.dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2608964?tocOpen ed=1> (дата обращения: 09.04.2020).

Мэн цю. URL: <https://www.zh.wikisource.org/zh/%E8%92%99%E6%B1%82> (дата обращения: 03.04.2020).

Мэн цю цзи чжу : [Мэн цю со сводными комментариями]. URL: <https://www.ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=646559&remap=gb> (дата обращения: 08.04.2020).

Нихон сандай дзицуруку : [Истинные записи трёх правлений в Японии] // Кокуси тайкэй. Т. 4. Токио: Кэйдзай дзассися, 1901. 727 с.

Сё: Кэн (Чжан Цзянь). «Мо:гю: вака» ко:тю: : [«Мо:гю: вака» с комментарием]. Хиросима: Кэйсуйся, 2012.

Сё: Кэн (Чжан Цзянь). «Мо:гю: вака»-ни окэру кан кодзи-но дзюё: (сики-но бу-о тю:син-ни) : [Восприятие китайских исторических анекдотов в «Мо:гю: вака»: на примере части четырёх времен года] // Тю:гоку тю:сэй бунгаку кэнкю: № 51. 2007. С. 62–79.

Сё: Кэн (Чжан Цзянь). «Мо:гю: вака»-ни окэру кан кодзи-но дзюё: (коибу-о тю:син-ни) : [Восприятия китайских исторических анекдотов в «Мо:гю: вака»: на примере рубрики «Любовь»] // Тю:гоку тю:сэй бунгаку кэнкю: № 52. 2007. С. 41–54.

Синкокинсю: Японская поэтическая антология XIII века. В 2 т. Т. 2 / пер. И.А. Борониной. М.: Корал Клаб, 2001. 462 с.

Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 7 / пер. Р.В. Вяткина. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 462 с.

Тасака Дзюнко. «Мо:гю: вака» дзёдзюцу-но хо:хо: : [Система повествования в «Мо:гю: вака»] // Фукуока дайгаку дзинбун ронсо: . Т. 46, № 3. 2014. С. 723–754.

Трубникова Н.Н., Коляда М.С. «Собрание стародавних повестей» в традиции японских поучительных рассказов XII–XIV вв. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и Дальнем Востоке. № 4. 2018. С. 34–44. DOI: 10.24866/1997-2857/2018-4/34-44

Фуон дзо:ко: котю: мо:гю: : [«Мо:гю:» со старым комментарием, расширенный пометами для чтения] 3 маки. [эпоха Муромати]. URL: <https://www.dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2606900> (дата обращения: 03.04.2020).

Хаятина М.С. «Гостеприимные мужи» и их «гости» в эпоху Сражающихся царств в IV–III вв. до н.э. // Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры. Собрание трудов. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2013. С. 399–436. (Учёные записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 11).

Хё:дай дзё дзё:гэн хотю: мо:гю: : [«Мо:гю:» с комментарием Дзё Сико:]. Б.м.: Китакура сёдо:, 1682. URL: https://www.wul.waseda.ac.jp/kotenseki/html/nu08/nu08_01943/index.html (дата обращения: 06.04.2020).

Чжэн А-цай. Дуньхуан бэнь «Мэн цю» цзи чжувэнь чжи као дин юй яньцзю : [Изучение текста и комментариев рукописей «Мэн цю» из Дуньхуана] // Дуньхуан сюэ. Т. 24. 2011. С. 177–198.

Щуцкий Ю.К. Китайская классическая книга перемен. Ицзин. М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1993. 382 с.

Galambos Imre. Confucian education in a Buddhist environment: Medieval manuscripts and imprints of the Menqiu, *Studies in Chinese Religions*, 2015. 1 (3): 268–288.

Guest Jenifer. Primers, Commentaries, and Kanbun Literacy in Japanese Literary Culture, 950-1250CE. PhD thesis. Columbia University. 2013.

Persiani Gian-Piero. China as Self, China as Other: On Ki no Tsurayuki's use of the wakan dichotomy", *Sino-Japanese Studies*, 2016. 23: 30–58.

Pollack David. The Informing Image. 'China' in Genji Monogatari, *Monumenta Nipponica*, 1983. 38 (4): 359–375.

Smits Ivo. Song as cultural history: Reading Wakan Rōeishū (Texts), *Monumenta Nipponica*, 2000. 55 (2): 225–256.

Smits Ivo. Song as cultural history: Reading Wakan Rōeishū (Interpretations), *Monumenta Nipponica*, 2000. 55 (3): 399–427.

Smits Ivo. The way of the literati: Chinese learning and literary practice in Mid-Heian Japan. Heian Japan, Centers and Peripheries. Honolulu: University of Hawai'i Press. 2007. P. 105–128.

Steininger Brian Robert. Poetic ministers: Literacy and bureaucracy in the Tenth-Century State Academy. PhD thesis. Yale University. 2010.

Ury Marian. Chinese learning and intellectual life. *The Cambridge History of Japan. Vol.2. Heian Japan* / Ed. D.Shively and W.McCullough. Cambridge: Cambridge University Press. 1999.

REFERENCES

Alimov, I. A. (2014). Sad udivitel'nogo: Kratkaya istoriya kitayskoy prozy syaoshu I-VI vv. [The Gardens of the Marvelous: A concise history of the 1-4th century Chinese Xiaoshuo prose], St Petersburg : Peterburgskoye Vostokovedeniye. (In Russian).

Bo Juyi (1978). Stikhotvoreniya [Poems], trans. from Chinese by L.Z. Eydlina, Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Dyakonova, E.M. (2016). Yaponskoye Predisloviye Ki-no Tsurayuki i Predisloviye Ki-no Yosimoti na kambune k «Sobraniiyu starykh i novykh pesen Yaponii»: genezis i interpretatsii [Kokinshū anthology: *kanajo* by Ki no Tsurayuki and *manajo* by Ki no Yoshimochi], *History and culture of Japan*, 9 (Orientalia et Classica. LXV): 69–82. (In Russian).

Ermakova, L.M. (2020). O perechnyakh i spiskakh v yaponskoy literature [Lists and Catalogs in Japanese Literature], *History and culture of Japan*, 12. (Orientalia et Classica I (LXXII)): 21–31. (In Russian).

Fuon zōkō kochū *Mōgyū* [*Mōgyū* with the old commentary and signs for Chinese-derived character reading]. Manuscript. URL: <https://www.dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2606900> (accessed: 03 April 2020). (In Japanese).

Galambos, Imre (2015). Confucian education in a Buddhist environment: Medieval manuscripts and imprints of the *Menqiu*, *Studies in Chinese Religions*, 1 (3): 268–288.

Gan Bao (1994). *Zapiski o poiskakh dukhov (Sou shen ji) [In Search of the Supernatural]*, trans. by L.N.Men'shikov, St Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye. (In Russian).

Guest, Jenifer (2013). *Primers, Commentaries, and Kanbun Literacy in Japanese Literary Culture, 950-1250CE*, PhD thesis, Columbia University.

Hyōdai jo jōgen hochū *Mōgyū* (1682). [*Mōgyū* with the commentary by Jo Shikō]. URL: https://www.wul.waseda.ac.jp/kotenseki/html/nu08/nu08_01943/index.html (accessed: 06 April 2020). (In Japanese).

Ikeda, Toshio (1969). *Mōgyū waka no seiritsu to denryū: sono shodenhon o megutte [The origin and tradition of the Mōgyū waka: on the various copies]*, *Bungei kenkyū*, 27: 28–75. (In Japanese).

Khayutina, M.S. (2013). «Gostepriimnyye muzhi» i ikh «gosti» v epokhu Srazhayushchikhsya tsarstv v IV–III vv. do n.e. ["Hospitable men" and their "guests" in the period of the Warring kingdoms in the IV – III centuries BC], *Scientific notes of the Department of China IV RAS*, XI: 399–436. (In Russian).

Kokuritsu kokkai toshokan hon *Mōgyū waka* [*Mōgyū waka: the copy of the National Diet library*]. URL: <https://www.yatanavi.org/text/mogyuwaka/index.html> (accessed: 05 April 2020). (In Japanese).

Koyama, Junko (2016). *Mōgyū waka, Hyakuei waka no hyōgen – kajin to shite Minamoto no Mitsuyuki* [Expression in *Mōgyū waka* and *Hyakuei waka: Minamoto no Mitsuyuki as poet*], *Kyōto daigaku kokubungaku ronsō*, 35: 1–21. (In Japanese).

Kryukov, M.V., Malyavin, V.V., Sofronov, M.V. (1984). *Kitayskiy etnos v sredniye veka (VII-XIII)*. [Chinese Ethnicity in the Middle Ages (VII-XIII)]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Mengqiu ji zhu [Mengqiu with commentaries]. URL: <https://www.ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=646559&remap=gb> (accessed: 08 April 2020). (In Chinese).

Mengqiu. URL: <https://www.zh.wikisource.org/zh/%E8%92%99%E6%B1%82> (accessed: 03 April 2020). (In Chinese).

Meshcheryakov, A.N. (1991). *Drevnyaya Yaponiya: kul'tura i tekst [Ancient Japan: culture and text]*, Moscow: Nauka. (In Russian).

Mōgyū waka. 2 vol. Manuscript. URL: <https://www.dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2608964?tocOpen=1> (accessed: 09 April 2020). (In Japanese).

Nihon sandai jitsuroku (1901). *Tōkyō: Keizai zasshisha*. (Kokushi taikei, vol. 4). (In Japanese).

Persiani, Gian-Piero (2016). China as Self, China as Other: On Ki no Tsurayuki's use of the *wa-kan* dichotomy", *Sino-Japanese Studies*, 23: 30–58.

Pollack, David (1983). The Informing Image. 'China' in Genji Monogatari, *Monumenta Nipponica*, 38 (4): 359–375.

Shchutskiy, Yu.K. (1993) *Kitayskaya klassicheskaya kniga peremen. Yijing [Chinese classic book of change. Yijing]*, Moscow: Russkoye knigoizdatel'skoye tovarishchestvo. (In Russian).

Shinkokinshū: *Yaponskaya poeticheskaya antologiya XIII veka* (2001). [Shinkokinshū: Japanese poetic anthology of the 13th century], trans. by I.A.Boronina, in 2 vol., Vol. 2, Moscow: Koral Klub, 2001. (In Russian).

Shō Ken (Zhang Jian) (2007). *Mōgyū waka ni okeru kan koji no juyō* (shiki no bu o chūshin ni) [Perception of Chinese in *Mōgyū waka* (the example of the four seasons parts)], *Chūgoku chūsei bungaku kenkyū*, 51: 62–79. (In Japanese).

Shō Ken (Zhang Jian) (2007). *Mōgyū waka ni okeru kan koji no juyō* (koibu o chūshin ni) [Perception of Chinese in *Mōgyū waka* (the example of the love part)], *Chūgoku chūsei bungaku kenkyū*, 51: 41–54. (In Japanese).

Shō Ken (Zhang Jian) (2012). *Mōgyū waka kōchū* [*Mōgyū waka* with commentary], Hiroshima: Keisuisha. (In Japanese).

Sima Qian (1996). *Istoricheskiye zapiski* [Historical notes]. VII, Moscow: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN. (In Russian).

Smits, Ivo (2000). Song as cultural history: Reading Wakan Rōeishū (Interpretations), *Monumenta Nipponica*, 55 (3): 399–427.

Smits, Ivo (2000). Song as cultural history: Reading Wakan Rōeishū (Texts), *Monumenta Nipponica*, 55 (2): 225–256.

Smits, Ivo (2007). The way of the literati: Chinese learning and literary practice in Mid-Heian Japan, in *Heian Japan, Centers and Peripheries*, Honolulu: University of Hawai'i Press: 105–128.

Steininger, Brian Robert (2010). Poetic ministers: Literacy and bureaucracy in the Tenth-Century State Academy, PhD thesis, Yale University.

Tasaka, Junko (2014). *Mōgyū waka jujutsu no hōhō* [Principles of storytelling in *Mōgyū waka*], *Fukuoka daigaku jinbun ronsō*, 46, 3: 723–754. (In Japanese).

Trubnikova, N.N., Kolyada, M.S. (2018). «Sobraniye starodavnykh povestey» v traditsii yaponskikh pouchitel'nykh rasskazov XII–XIV vv. [*Konjaku Monogatari -shū* in the Japanese didactic tales tradition of 12th-14th centuries], *Humanities Research in the Russian Far East*, 4: 4–44. (In Russian).

Ury, Marian (1999). Chinese learning and intellectual life. The Cambridge History of Japan. Vol.2. Heian Japan, Ed. D.Shively and W.McCullough, Cambridge: Cambridge University Press.

Zav'yalova, O.I. (2008). “Ce yun” [“Ce yun”], in *The Encyclopedia China's Spiritual Culture*, Vol. 3: 728–729. (In Russian).

Zheng Acai (2011). Dunhuang ben “Meng qiu” ji zhuwen zhi kao ding yu yanjiu [Examination of the Text and Commentary of the Mengqiu Manuscripts from Dunhuang], *Dunhuang Studies*, 24: 177–198. (In Chinese).

Поступила в редакцию 12.04.2020

Received 12 April 2020

Для цитирования: Виноградова Т.И., Торопыгина М.В. «Японизация» китайского текста: «Мо:гю: вака» (1204) как адаптация «Мэн цю» (VIII в.) // Японские исследования. 2020. № 2. С. 112–132. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10015

For citation: Vinogradova T.I. Toropygina M.V. (2020). «Yaponizatsiya» kitayskogo teksta: «Mo:gyu: vaka» (1204) kak adaptatsiya «Men tsyu» (VIII v.) [‘Japanization’ of the Chinese text: *Mōgyū Waka* (1204) as an adaptation of *Meng Qiu* (8th century)], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 2: 112–132. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10015